

От Кэмп-Дэвида до Челябинска

Здесь я стараюсь, по возможности, не касаться международных проблем. Это отдельная тема, и ей я посвятил отдельную книгу «Рождение сверхдержавы». Но совсем их игнорировать невозможно и неразумно.

После сентябрьского, 1959 года, визита в США отцу казалось, что во взаимоотношениях двух гигантов наступает перелом, перелом к лучшему. Эйзенхауэр, похоже, искренне стремился к мирному разрешению накопившихся за последние годы проблем, с учетом собственных интересов, конечно. Ни о Германии, ни о разоружении, ни о запрете ядерных испытаний они пока не договорились, но отец ощутил: президент США хочет договариваться. 1960 год начался в том же, позитивном ключе. Более чем дружественный прием в Индии и Индонезии, Бирме и Афганистане, затем конструктивные беседы с президентом Франции де Голлем. Казалось бы, отношения с Западом переходят от конфронтации к сопер-

ничеству, отец называл его мирным сосуществованием, когда стороны не столько запугивают друг друга, сколько, «демонстрируя товар лицом», привлекают колеблющихся на свою сторону. Шероховатостей, естественно, не избежать, считал отец, но если спокойно искать точки соприкосновения, то их удастся сгладить, а со временем и совсем убрать. «Вода камень точит, – любил повторять отец. – Мы не торопимся. Можем и подождать, будущее за нами».

Предстоящие встречи глав четырех держав: СССР, США, Англии и Франции в мае в Париже, затем, в июне, визит президента США в Советский Союз порождали надежду на то, что удастся не только лучше понять друг друга, но и, возможно, начать договариваться всерьез. И тут все рухнуло.

1 Мая 1960 года советские ПВО сбили над Челябинском американский самолет-шпион У-2. Разгорелся немыслимый скандал. Масла в огонь подлил Госдепартамент США, заявивший, что их самолеты как летали над советской территорией, так и продолжают свои полеты до тех пор, пока сами американцы не сочтут, что нарушать советские границы больше не в их интересах. В дипломатическом лексиконе такие выражения сродни непечатным. Уважающий себя и свою страну государственный лидер после подобного оскорбления за стол переговоров не сядет. В Вашингтоне это, естественно, понимали и, по моему мнению, на это и рассчитывали. Совещание в Париже, так и не начавшись, провалилось с треском.

Весь мир облетели фотографии отца в гневе. В справедливом гневе он отстаивал достоинство своей страны, которую попытались унижить и которую он не позволял унижать никому. Из оттепели «в духе Кэмп-Дэвида» мы вновь окунулись в омут «холодной войны», еще более холодной, чем до Кэмп-Дэвида.

Запад списал провал совещания на счет отца. По мнению некоторых советологов, он якобы осознал, что в Париже добиться от Запада серьезных уступок ни по всеобщему разоружению, ни по Германии не удастся, вот и решил устроить скандал. На деле прагматик-отец никогда не рассчитывал на быструю договоренность по этим вопросам.

О всеобщем разоружении в Париже стороны договариваться вообще не могли, уж очень расплывчатой оставалась вся концепция. Обсудить ее, лучше понять друг друга – и это уже было бы большим достижением. Мне кажется, не могли они договориться и по Германии. Позиции США и Советского Союза не стыковались в принципе, каждая из сторон соглашалась на объединение Германии только на собственных условиях. К тому же, за каждым шагом Эйзенхауэра внимательно следил канцлер ФРГ Конрад Аденауэр. За отцом столь же внимательно наблюдал председатель Госсовета ГДР Вальтер Ульбрихт.

Европейские страны, особенно Франция с Англией, в свою очередь, как могли, саботировали объединение Германии. Никому из них не хотелось получить столь могущественного «союзника» в центре Европы. Де Голль открыто сказал отцу на переговорах в Рамбуйе в марте 1960 года, что Франция не желала бы граничить с единой Германией, ее устраивает статус-кво. Такой же позиции придерживался и Лондон.

Отец хорошо представлял расстановку сил в мире и заранее настроился на длительные многоступенчатые переговоры. Он не имел ни малейшего резона взрывать Парижский саммит. Английский историк Китти Ньюмен, проанализировав документы того периода, подтверждает это заключение. Тем не менее, по мнению Ньюмен, советская позиция настолько сблизилась с позицией Запада, что в Париже стороны могли сделать первый шаг, достичь взаимоприемлемого, пусть и промежуточного решения, по крайней мере, в отношении Западного Берлина.

Другие «аналитики» объясняют парижский провал расхождениями в советском руководстве, давлением на отца справа. «Ястребы» его совсем заклевали, вот ему, якобы, и не оставалось ничего другого, как сорвать Парижское совещание. Наиболее беспардонные из них называют даже день, когда «уломали» Хрущева – 7 апреля 1960 года, накануне отъезда отца на отдых в Крым. Правда, никто из свидетелей этого рода доступа в Кремль не имел,

а уж тем более, не присутствовал при разговорах членов Президиума ЦК – ни частных, ни официальных. 7 апреля Президиум ЦК действительно собирался, и в советском руководстве действительно имелись свои «ястребы», люди, которые к курсу на улучшение отношений с Соединенными Штатами относились, мягко говоря, с прохладцей. Все это правда. Как правда и то, что держали они свое мнение при себе, а отец полностью контролировал положение, определял линию поведения во внешней и внутренней политике.

На заседании 7 апреля предстоящую встречу в Париже не обсуждали, подводили итоги визита отца во Францию. Постановили их «одобрить».

Я позволю себе дать собственную интерпретацию парижского фиаско. Для этого и попробуем ответить на некоторые вопросы. Почему накануне встречи в верхах в ЦРУ вдруг решили снова послать самолеты-разведчики У-2 пофотографировать советские секретные военные объекты? У-2 летали над Советским Союзом с 1956 года на недостижимой в то время для перехватчиков двадцатикилометровой высоте. В 1959 году наметилось некоторое потепление во взаимоотношениях между двумя державами: Никсон открывал Американскую выставку в Москве, Козлов советскую – в Нью-Йорке, отец нанес официальный визит президенту США. На время полеты прекратились. К тому же, американская разведка знала, обязана была знать, что к 1960 году у советских ПВО появились достигавшие двадцатикилометровой высоты истребители-перехватчики Су-9 (Т-3) и противосамолетные ракеты С-75. Когда в июне 1959 года Никсон летал в Свердловск, разведчики из его свиты даже сфотографировали развернутые в окрестностях города батареи С-75.

Так зачем же было возобновлять полеты накануне столь важной международной встречи? Даже если самолет-разведчик и не сожгут, то полет его зафиксируют, и настроение у Хрущева неотвратимо испортится, доверие к Эйзенхауэру – партнеру рассыплется в прах. В серьезной политике в преддверии серьезных переговоров так не поступают. А тут они как с цепи сорвались, с ноября 1959 года по 1 мая 1960-го советское воздушное пространство нарушалось не менее пяти раз, пока наконец-то ракета не поразила самолет Гарри Пауэрса. У меня складывается впечатление, что кому-то очень хотелось, чтобы американский самолет сбили, и кто-то прилагал к тому все усилия.

Всем этим событиям уже давно даны «правильные» объяснения. Мемуаристы из ЦРУ сетуют, что потепление во взаимоотношениях двух стран заметно поубавило возможности для воздушного шпионажа, президент то и дело накладывал вето на разведывательные полеты. По мнению разведчиков, запреты серьезно вредили национальной безопасности США. К примеру, они знали, что в Плесецке, под Архангельском строится база для четырех межконтинентальных ракет Р-7, но не знали состояния ее готовности на 1960 год. Они не раз фотографировали советские полигоны, атомный в Семипалатинске, ракетный в Тюратаме (Байконуре) и противовоздушный в Сары-Шагане на озере Балхаш, ядерные закрытые города на Урале, но снимки не обновлялись уже почти пять месяцев. Такую неосведомленность в ЦРУ посчитали недопустимой и решили накануне Парижской встречи «поправить дела». Я их понимаю, разведка создана именно для сбора информации. Но политики мыслят иными категориями: если хочешь добиться соглашения, можно пожертвовать, хотя бы временно, десятком сделанных «сквозь замочную скважину» фотографий.

И тем не менее, самолеты У-2 один за другим посылали в разведывательные полеты. 9 апреля один из них облетел базу советских бомбардировщиков в Казахстане, упомянутые полигоны в Тюратаме, Семипалатинске и Сары-Шагане. Самолет-шпион дважды атаковали наши Су-9, но неудачно. У-2 невредимым вернулся на свою базу, сфотографировал не только космические старты и шахты для подземных ядерных испытаний, но и позиции зенитных ракет. Их почему-то в тот раз не задействовали, но возросшие возможности советских ПВО не вызывали сомнений. Как и то, что после такого облета их приведут в наивысшую готовность.

И тем не менее, выждав всего пару недель, У-2, пилотируемый Гарри Пауэрсом, отправился к воздушному пространству СССР с новым, еще более опасным заданием. Маршрут проложили через всю нашу страну с юга на север, над уже «отснятым» Тюратамом и новыми объектами Челябинском-Кыштымом, Плесецом, Северодвинском, Североморском, а оттуда на базу НАТО в Буде, в Норвегии. Трудно найти более тщательно охраняемые объекты общенационального значения. Если мыслить логически, охранять их должны самые совершенные средства ПВО и, следовательно, там скорее всего и смогут сбить несбиваемый У-2. Особенно после недавнего, как бы предупредительного, полета. Ну а если опять не сойдут, то все равно национальная гордость претендующего на «сверждержавность» Советского Союза уязвится донельзя.

Теперь зададим другой вопрос: чем встреча в Париже и последующий визит Эйзенхауэра в СССР так испугали американских «ястребов»? О чем отец и американский президент потенциально могли договориться? «Ни о чем», – утверждают влиятельные американские и современные российские историки. Эта безысходность, по их мнению, и побудила отца взорвать совещание изнутри. Любопытная, но уязвимая позиция. Подумаем, где их позиции максимально сближались.

И президент Эйзенхауэр, и отец искренне стремились остановить ядерные испытания. О войне оба они судили не понаслышке. Отец, переживший окружение немцами Киева в 1941-м, поражение под Харьковом в 1942-м, прошедший сквозь огонь Сталинграда и Курской битвы в 1943 году, не хотел, не мог допустить повторения еще большей беды. Он считал, что наши страны уже имеют технические возможности навсегда уничтожить человечество. А что будет завтра? Инженерная мысль неисчерпаемо-созидательна, в том числе и в своем разрушительном векторе. Если сегодня не положить конец этому кошмару, цивилизация скорее всего погибнет.

Отец уже пытался сделать первый шаг. Преодолевая сопротивление военных, он дважды объявлял односторонние моратории на ядерные испытания. К сожалению, американцы его призыву не последовали, а свои давили на него изо всех сил. В результате в 1958 году пришлось возобновить испытания, но второй, провозглашенный в 1960 году мораторий продолжал действовать. Теперь появилась возможность напрямую, без посредников, обсудить все с президентом США и, чем черт не шутит, может быть, даже договориться.

Я не берусь столь категорически, как об отце, судить о об Эйзенхауэре, но то, что я о нем знаю, свидетельствует: войны он не хотел и понимал, что с ядерной войной шутки плохи. К тому же, в 1960 году заканчивался его второй президентский срок. Америке предстояло избрать нового президента. Договор с СССР о запрещении ядерных испытаний просто идеально подходил для исторически значимого заключительного аккорда президентства Эйзенхауэра.

Встречи в Кэмп-Дэвиде показали, что оба лидера куда легче находят общий язык в частных беседах, чем за столом переговоров. Вдвоем они позволяли себе посудачить и об обуздании аппетитов военных обеих стран, а однажды отец даже предложил обменяться списками шпионов. Эйзенхауэр от удивления рот раскрыл.

– Чтобы не платить им дважды, – довольный произведенным эффектом, улыбнулся отец.

Эйзенхауэр рассмеялся в ответ. Оба они по опыту знали, как изощренна контрразведка и как ненадежны агентурные донесения. Списками агентов они так и не обменялись.

В Париже, в антрактах официальных переговоров, оба лидера вполне могли бы один на один договориться, что с испытаниями пора кончать, а потом, во время намеченного на июнь 1960 года визита Эйзенхауэра в Советский Союз, подписать формальный договор. На этом документе, судя по тому, что мы теперь знаем, свою подпись охотно поставил бы и глава британского правительства Гарольд Макмиллан.

И американские, и советские «ястребы» наверняка стремились в интересах национальной безопасности, как они ее трактовали сами, не допустить «опасного» развития событий. В таком контексте полеты разведывательных самолетов, потеря одного из них, жестко-бескомпромиссные заявления Госдепа выглядят абсолютно логично и оправданно. В Париже отец с Эйзенхауэром не только не договорились, они вообще не обменялись ни словом.

Последовавшие за инцидентом с У-2 события развивались в согласии с логикой моего «ястребиного» сценария. Отец, уязвленный донельзя отказом американской дипломатии в признании советского суверенитета над собственным воздушным пространством, оплатил Соединенным Штатам отказом вести переговоры с американцами в Париже, демонстративно отозвал приглашение президенту США посетить СССР и, в пику Эйзенхауэру, не поинтересовавшись мнением хозяев, пригласил глав государств мира собраться на американской территории, в ООН, обсудить декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Никто не посмел ни отказаться, ни уклониться. В октябре 1960 года в Нью-Йорк приехали все: руководители социалистических стран, и третьего мира, и европейцы, главы стран НАТО и сам Эйзенхауэр. «Дух Кэмп-Дэвида» к тому времени улетучился окончательно. Ни отец, ни Эйзенхауэр не то что не разговаривали, видеть друг друга не могли. Чиновникам из Госдепартамента стоило немалых трудов выстроить маршруты их передвижения по зданию ООН так, чтобы они не столкнулись, даже в коридоре. У меня нет никаких документальных подтверждений моим предположениям, как нет их и у авторов иных версий, но логика на моей стороне.

1960 год стоил отцу и нервов, и здоровья. Беда не приходит одна, в середине 1960 года «похолодало» не только на Западе, но и на Востоке, к «американским» проблемам добавились быстро нараставшие трения с «братским» Китаем. Мао Цзэдун больше не колебался: курс на десталинизацию грозил ему демаоизацией. Собственные оппоненты-либералы Пын Дехуэй, Лю Шаоци и Дэн Сяопин и другие подозрительно зашевелились. Если их не придушить сегодня, завтра они свергнут тебя самого. Но сначала следовало покончить с «нерушимой дружбой с Великим Северным Соседом».

В 1959 году, во время визита отца в Пекин на празднование 10-летия КНР, Мао принял его не просто холодно, а оскорбительно пренебрежительно. В 1960 году он решил окончательно оформить разрыв. Отец же еще надеялся, что удастся сгладить разногласия, объясниться, полагая, что мы всё еще единомышленники, союзники и соратники. Нарыв вскрылся в июне 1960 года в Бухаресте, куда на съезд Румынской рабочей партии съехались высокопоставленные представители всех «братских» партий. Делегацию советских коммунистов возглавил отец. Он, воспользовавшись съездом, задумал снять разногласия с китайцами, восстановить пролетарскую солидарность. Не получилось, все уперлось в Сталина, точнее в Мао Цзэдуна. Когда речь зашла о преступлениях Сталина, политических и уголовных, китайцы попытались их объяснить политической целесообразностью, другими словами, оправдать. В ответ Хрущев отрезал: «Черного кобеля не отмоешь добела!» Кто этот «черный кобель» отец не уточнил, но после его слов обсуждать что-либо китайцы отказались. Отец переживал разрыв с Китаем болезненно, очень лично, еще недавно он искренне почитал Мао за друга и союзника. Советский Союз помогал китайцам, чем мог, предоставил огромный, миллиардный кредит, передал тысячи технологических разработок, помог в строительстве около трех тысяч новых заводов, оснастил китайскую армию современным вооружением, решил поделиться с ними ядерными и ракетными секретами. И после всего этого Китай из союзника превращался в соперника, а возможно, и того хуже – во врага.